

Аркадий Драгомощенко

ОСТРОВ
ОСЕНИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАРТИЦА

Санкт-Петербург

Книга стихов «Остров осени» составлена мной по рукописи Аркадия Драгомощенко «Сумма описаний», подготовленной им в начале 80-х, но так и не опубликованной. Она включала в себя семь сборников стихов 1970–1980 годов: «Церемонии», «Веселье на крыше», «Торжество травы», «Великое однообразие любви», «Медленная стена маятника», «В легком теле прежнего рождения», «Последнее начало». Сам Аркадий в послесловии к этой рукописи писал, что «...можно в одном из стихотворений увидеть начало другого или впоследствии в третьем отыскать его отголоски. Это не поэма, а, скорее всего, одно-единственное стихотворение или попытка написать такое стихотворение. У В. Сарояна, где-то в одном из рассказов, мальчик написал самое великое стихотворение – оно представляло лист бумаги, на котором стояло одно единственное слово – “дерево”. Можно и так... Можно и по-иному...»

В книгу также включены перекликающиеся тем или иным образом со стихотворениями прозаические отрывки из книг «Тень черепахи» (1975), «Расположение в домах и деревьях» (1978) и писем этого же периода.

13.01.2020

Зина Драгомощенко

Из сборника
«ЦЕРЕМОНИИ»
(1970–1972)

* * *

я тихо прилягу
разбросив веселые руки

легче тени веселье
легче тени что под глазами так часто
проносит путь нашей осени

словно память под утро
касается нежной груди воспоминаний
будто память

а тебе-то зачем
желтый ангел тебя не коснется
невесомые ноги тебя унесут

легче солнечной пыли
по ветвям заскользи
босоногая с сумой королева

вне предела танцующий пепел
слившихся тел

ну а я же тихо прилягу
раскинув по свету веселые руки.

Ночью ты мне приснилась. Уж очень красивой ты была! В широком то ли костюме, то ли платье, на котором разворачивался очень крупный орнамент. Платье становилось все шире и шире. Ты стояла у стены. Таких стен много в Ленинграде. Глухие высокие стены. А во дворе еще не сошел снег. Потом все стало еще просторней, снега еще больше, и мы очутились во дворе Никольского собора... Я себя не видел, а только слышал, как ты ко мне обращалась. На колокольне качались колокола, а я пытался поймать звук. Я видел блестящие от рук веревки, они невольно дергались в ритме.

– В солнечные ветреные дни они не звонят, – сказала ты.

– Сейчас нет ветра, – сказал я.

– Нет. Посмотри! – Твое платье наполнилось мягким красным цветом. – Такое бывает только в ветреные дни, когда очень сильный ветер. Жаль, что ты не можешь испытать этого!

– Останови свое платье! – закричал я и увидел себя. Я был раздет, но не чувствовал холода. Я был бос, но снег не трогал моих ног. Я стоял у дерева, но дерево не жгло мою спину. Ветра не было.

По двору шла ты. Платья на тебе не было. Я схватился за дерево от боли. Только во снах бывает такая тоскливая боль! Кора на ощупь оказалась совершенно мягкой, и оскомина села на мои пальцы. Я знал, что лишил тебя платья, что не мог сделать иначе, но я не мог смотреть на твои ступни в снегу.

И начали вдруг бить в колокола. Стаи звона слетались к нам. Я не жалел, что оставил тебя без платья! Да и снега не было. Не было Никольского собора, не было дерева, хранившего меня. Но появилось твое лицо. Оно было так прекрасно. Звона становилось больше.

Я проснулся. Мама вытирала бокалы. Это был счастливый сон. Суббота.

ВСЕГО ЛИШЬ ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

1

деревья гнутся под ветром
поднимается пыль
раскачиваются оцепенело
первый день
ветреный день
день созерцания

движением мерным охвачены рощи
поля стволы кукурузы
бредут коровы
лунные головы влекут рогатые тени
а надо всем – шум налитый зноем
воздухом
светом гнущихся сосен

гравий поскрипывает под ногами

ночь прервана на полуслове
полусвет листьев на лицах
первый день
день ветреный
день созерцания.

2

сад
дождь накрапывает
скользкие листья
мы шли по тропинкам
бормоча заклинания:
«дуб, ясень, лиственница, тис, рябина»
мы шли непринужденно беседа о том
что есть нечто выше нашего понимания
мы говорили о человеке

потом молча шли будто вытекли из себя –
брели прислушиваясь к шагам
и размышляли.

3

пусто в саду
невдалеке женщина укачивала
в коляске ребенка
да служитель собирал листья с отпечатками ног
и листья отражавшие сложность строения глаза

кто еще забредет сюда в этот день
или в другой какой день?
кто бродит среди нас
и произносит имена наши как заклинание

кому рассказать что мои сны каждый год умирают
и небо дарит их иллюзорным бессмертием?

и что пьем из одного и того же источника
что вкус воды одинаков для нас.

4

...но это был всего лишь пасмурный день
деревья были деревьями а мы сами собой
мы откуда-то возвращались и совершенно
случайно наткнулись на сад
где женщина укачивала в коляске ребенка
не придавая значения голосу
да служитель собирал к сожжению листья –
безбрежная река белого дыма
струилась между деревьями.

КОГДА ЗЛОБА ОСТАВИТ НАС

Зине

Ящерица дрожит на искристой стене –
Ее спина в изумрудных крапинках.
Волна накрывает песок.

Смотри,
смотри!

Якоря торчат то тут то там.
И летят с пронзительным криком
чайки к неистойвой синеве.

Ветра песня
заплетена туго в пряди песка,
и она стала понятна деревьям,
а мы бредем побережьем,
слушая, как шуршит песок,
стекая по плечам и бедрам.

Бредем, понятные песку, раковинам
и воде, которая то подступает,
то вновь отступает от берега.

ПОСТСКРИПТУМ

кому сжигать мосты, кому их строить
кому лежать ничком и остывать
и чувствовать, как лед багровый
стекает дымными потоками к плечам

кому плясать закинув голову в веселье
подобно пестроногим циркачам
кому ползти зажав в руке холодной
ручьи небес и забытья бесценный дар

тот задает вопрос тот глух не внемлет
а этот красотою погребен
другой в смирительной рубашке дремлет
у третьего неизмеримостью весь мозг сожжен

так по утрам невесть чего мы ожидая
в великой немоте всем счет ведем.
Триумфальных врат стада оцепенели...

Месь дам червей легла прозрачной тенью.
Мы легионы ждем, но в мареве полудня
дрожат лишь очертания раба.

* * *

придет день или ангел
в трепет дождя
раскрыты окна и кровли
придет ночь или ангел
пронзительный некогда взгляд угас
под набрякшими полями шляпы
будто на пажити два одиноких серпа –
раскрыты крылья косноязычия
правая часть лица отдана смерти
«поэзия, поэзия, слов...» –
невнятно произнесет исчезая
следуя вдоль ряда имен
«станется, было, не будет...» –
промолвит эхо в ответ.

* * *

Н. Заболоцкому

Что мы можем сказать о лице человека
по полупомеркшей голубой фотографии?
Знаем мы, что он был поэтом,
что страдал болезнями сердца и
конец жизни провел в деревне,
где вокруг ходили куры и гуси,
телята бродили и пели в пыли воробьи.

Известно, что он, растолстевший,
не любил далеких прогулок, а сидел
на скамье под липой и чертил
палочкой по песку.

Что он чертил?
Таинственные знаки, вызывающие вдохновение?
или имя?
или простую одинокую линию, которую потом
стирал и начинал вести вновь?

Остались снимки, где он сидит в кресле,
оплывший, серьезный и неразговорчивый.
Известно, что в молодости он нуждался,
известно, что он писал стихи...

И я спрашиваю: откуда в этом человеческом
теле взялась любовь к зеленому дереву,
Откуда в неудобном человеческом теле
появилось слово, а тело пропало,
а затем стало словом любви к одинокому
зеленому дереву!
Как бы там ни было – это остается загадкой.

Но есть снимок, на котором перед нами
сидит оплывший большой человек в очках
и смотрит.

Глаза у него открыты,
змеится огонь, едва видный,
по полураскрытым устам.

* * *

деревья спят
остановись и слушай
свет сонно пульсирует
в торопливом сплетенье ветвей
недосягаемый месяц
свет упал его белизной
точно свет ниспосланный Богом
прикладываю ладони к лицу и вспоминаю
лед протянул руки к воде
и снег на плечи падает тихо
студеным стеклом стянуло последний лист
вода еще черней под мостами
буксиров последних протяжней зов.

* * *

две руки заведенные за затылок
беззащитность подмышек
вечер одевает тебя в пламя свечи
гость запоздалый
укрою тебя на груди в полнолуние
ночь, да ночь!
может и впрямь тепло наших душ
растопить льды способно?
может и впрямь наши тела –
две могучих сосны?
голуби
влажная глина их голосов
под перстами зари
обретает форму вычурного ожерелья
воздух апреля смывает с век твоих
гарь февральских видений.

* * *

...Негромко говоришь – прощай.

Мост над стремниной лета, над ливнем.
Прощай – говоришь тополиным побегам,
шелковице за белым забором
и улице,

А сам толком не знаешь –
К кому обращен этот шепот.

Прощай – говоришь снам, в которых
ты появилась...
О, какой странный сон вырос над нами!
Крыло и звезда были незримы тогда.

Впереди мерно машут крыльями птицы:
Дрозды, чибисы, дикие гуси.
Невесомость полнит тела, зрачок
разрывает безмерность отчаянья –
Всего не увидеть.
Вскипает вода, трепещут кроны деревьев,
раздвигается мир до пределов, доселе
неведомых
ни нам, ни ему самому.
И, точно шепот твой, в безмерности
солнечного луча

танцует бледная паутина,
предваряя милосердие льда.

Какой странный сон раскинулся над нами
тогда.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА